

Тускло мерцают капли на листьях хмурого леса. Густы ночные тени. Она пробирается сквозь чащу. Мокрые от недавнего дождя волосы липнут к лицу, и потревоженные ветки окатывают ледяными брызгами.

Внезапно за лесом вырастает город. Застывшие в торжественном безмолвии улицы, гулкие мостовые. Ночь съедает краски, и укутанный ею город однообразен и бесконечен.

Наступает рассвет, и на улицах появляются первые прохожие. Она ловит обрывки фраз, но не понимает ни слова. Чужой язык, чужие стены, и сама она здесь чужая.

Будильник рассеивает видение, но не может прогнать его окончательно, и по дороге на работу она чувствует, как под очертаниями настоящего города возникают образы из сна.

А дальше – привычный офис и суета. Она действует на автомате, повторяя каждодневный цикл, словно отдавши своё тело и разум общественному механизму.

Колесо дня проворачивается на идеально смазанной оси, и полоночи падает, высекая искры фонарей.

А в том городе зима. По улицам мечется ветер, неистовый и злой, бросается колючим снегом. Она сжимается под тонким пальто и ищет укрытия, но все двери заперты. Она хочет проснуться, но не может. Наблюдая себя со стороны и оставаясь в то же время собой, она содрогается от холода и страха, порождённого этой двойственностью. Ткань сна мимикрирует, притворяясь явью, и сознание мечется, стремясь разорвать гнетущий кошмар.

Утро не приносит избавления. Кофе подстёгивает мозг, но не разгоняет хмарь мыслей. То тут, то там сквозь прорехи в реальности проступают контуры мрачного города, а звуки обращаются в неведомую тарбарщину. Плоскости экранов становятся окнами в сон. Отчуждённая от самой себя она куда-то идёт, что-то делает, но память отказывается фиксировать происходящее.

Неделя за неделей, месяц за месяцем, всё глубже сон. И она уже не понимает, город ли снится ей или она снится городу и что будет, когда они оба проснутся.